

Впервые на русском!

ЮКИО МИСИМА

ПОСЛЕ БАНКЕТА

Люблю умных людей.
Ненавижу интеллектуалов.
Мисима интеллектуалом
не был...
Мисима был гением
и умным человеком.

ГЕНРИ МИЛЛЕР

Большой роман (Аттикус)

Юкио Мисима
После банкета

«Азбука-Аттикус»

1960

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Мисима Ю.

После банкета / Ю. Мисима — «Азбука-Аттикус»,
1960 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-24276-0

Немолодая, роскошная, независимая и непосредственная Кадзу, хозяйка ресторана, куда ходят политики-консерваторы, влюбляется в стареющего бывшего дипломата Ногуты, утонченного сторонника реформ, и становится его женой. Что может пойти не так? Если бывший дипломат возвращается в политику, вняв призывам не самой популярной партии, – примерно все. Неразборчивость в средствах против моральной чистоты, верность мужу против верности принципам – когда политическое оборачивается личным, семья превращается в поле битвы, жертвой рискует стать любовь, а угроза потери независимости может оказаться страшнее грядущего одиночества. Юкио Мисима (1925–1970) – звезда литературы XX века, самый читаемый в мире японский автор, обладатель блистательного таланта, прославившийся как своими работами широчайшего диапазона и разнообразия жанров (романы, пьесы, рассказы, эссе), так и ошеломительной биографией (одержимость бодибилдингом, крайне правые политические взгляды, хакакири после неудачной попытки монархического переворота). В «После банкета» (1960) Мисима хотел показать, как развивается, преобразуется, искажается и подрывается любовь под действием политики, и в японских политических и светских кругах публикация вызвала большой скандал. Бывший министр иностранных дел Хатино Арита, узнавший в Ногуты себя, подал на Мисиму в суд за нарушение права на частную жизнь, и этот процесс – первое в Японии дело о писательской свободе слова – Мисима проиграл, что, по мнению некоторых критиков, убило на корню злободневную японскую сатиру как жанр. Впервые на русском!

УДК 821.521

ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-24276-0

© Мисима Ю., 1960

© Азбука-Аттикус, 1960

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Глава седьмая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юкио Мисима

После банкета

Yukio Mishima

UTAGE NO ATO

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1960

All rights reserved

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Е. В. Стругова, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Люблю умных людей. Ненавижу интеллектуалов. Мисима интеллектуалом не был... Мисима был гением и умным человеком.

Генри Миллер

Мисима – необычайный талант, и не просто японский талант, но талант мирового уровня. Такие гении рождаются раз в триста лет.

Ясунари Кавабата

Скрупулезностью психологического анализа Мисима подобен Стендалю, а глубиной исследования людской тяги к саморазрушению – Достоевскому.

The Christian Science Monitor

Изысканная и сдержанная высокая комедия... классическая картина столкновения кипучего сентября с увядшим декабрем.

Kirkus reviews

Главная героиня «После банкета» – на сегодняшний день самое крупное и мощное достижение в весьма выдающейся картине Мисимы.

The New Yorker

Глава первая

Место действия – «Сэцугоан»

«Сэцугоан» – поистине уединенная обитель – находилась на изрытом природой холме, неподалеку от реки Коисигавы, и счастливо избежала разрушений во время войны. Изукрашенные каменные ворота, перенесенные от какого-то известного храма Киото вместе со знаменитым садом Кобори Энсю¹ площадью три тысячи цубо², и парадный вход, и зал для приема, которые переместили сюда в исконном виде из древнего храма в Наре³, и построенный позже Большой зал – ничего не пострадало.

После войны, в разгар шума вокруг налога на имущество, обитель «Сэцугоан» из рук первоначального владельца, чудаковатого предпринимателя, перешла в руки энергичной, красивой хозяйки и мгновенно превратилась в модный ресторан.

Хозяйку звали Фукудзава Кадзу. Ее пышная, соблазнительная фигура таила в себе прелесть сельской природы, кипучую силу и страсть. Человек со сложными движениями души стеснялся показать Кадзу собственную сложность, человек со слабым темпераментом, глядя на эту женщину, не понимал: вдохновляет она его или же подавляет. Волей небес наделенная мужской решительностью и по-женски нерасчетливым темпераментом, она могла пойти значительно дальше мужчины.

При легком характере Кадзу ее нестигаемое «я» было облечено в простую, красивую форму. С юности она предпочитала любить сама, нежели быть любимой. Прелестная сельская наивность скрывала некие попытки навязать свое мнение, а всякие злостные намерения окружающих ее людей воспитали беспредельно открытую душу.

У Кадзу давно в друзьях ходили мужчины, с которыми она не состояла в любовных отношениях. Закулисный политик Консервативной партии Нагаяма Гэнки был скорее новым другом, он любил Кадзу, которая была моложе его на целых двадцать лет, как младшую сестру.

– Она редкая, потрясающая женщина, – всегда говорил он. – Она способна на великие свершения. Скажите ей: «Встряхни Японию!» – она и это сможет сделать. Черты, которые у мужчин считаются безрассудными, у женщин чаще называют проявлением кипучей деятельности. Если появится мужчина, который вызовет у нее подлинную страсть, – вот тогда эта женщина взорвется.

Кадзу, услышав от кого-то сказанные Гэнки слова, не огорчилась, но, встретившись с ним лицом к лицу, заметила:

– Вы, господин Нагаяма, не можете вызвать у меня страсть. Даже если самоуверенно пойдете в атаку, со мной у вас ничего не получится. Человека вы разглядеть способны, но ухаживать не умеете.

– Я и не собирался за тобой ухаживать. Начни я за тобой ухаживать, мне конец, – язвительно отозвался старый политик.

По мере того как ресторан «Сэцугоан» становился модным заведением, росли и расходы на содержание огромного сада. Прямо на юг от кабинетов банкетного зала находился пруд Тацуми – в застольях, связанных с любованием луной, он становился важным элементом садового пейзажа. Двор окружали старые величественные деревья, какие редко увидишь в Токио. Торжественно возносили свои вершины сосны, каштаны, железное дерево, каштан-

¹ *Кобори Энсю* (1579–1647) – мастер чайной церемонии, создавший собственный стиль чайного действия. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Цубо* – традиционная мера площади, равная 3,3 кв. м.

³ *Нара* – древняя столица Японии (VIII век).

ник, меж ними проглядывало голубое небо, не испорченное ликами городской архитектуры. На широко раскинувшихся ветвях сосен надолго поселилась пара коршунов. Множество разных птиц порой навещало этот сад, и в сезон расставаний и перелетов тут стоял ни с чем не сравнимый, невообразимый гомон пернатых, слетавшихся на обширные газоны клевать букашек и плоды павловнии.

Каждое утро Кадзу обходила сад и делала садовнику замечания по поводу ухода. Одни были нужными, другие – бесполезными. Просто давать эти советы стало частью планов на день и составляющей прекрасного настроения. Потому опытный садовник не противился и не возражал.

Вот Кадзу обходит сад. Это своего рода абсолютное наслаждение полным одиночеством, случай погрузиться в размышления. Целый день она, почти не переставая, разговаривает, поет, не остается одна, и, хотя она и привыкла принимать гостей, это утомляет. А утренняя прогулка свидетельствует о спокойствии души, в которой уже не возникает желания отдаться страсти.

«Любовь больше не нарушит мою жизнь». Кадзу упивалась убежденностью в этом, глядя, как торжествующий солнечный свет струится меж окутанными дымкой деревьями, заставляет чудно сверкать зеленый мох на дорожке. Прошло немало времени с тех пор, как она рассталась со страстями. И последняя любовь теперь – далекое воспоминание, и сама она обрела твердую уверенность в том, что ей не грозят опасные чувства.

Эти утренние прогулки наполняла поэзия, лиричность. Кадзу разменяла шестой десяток, но, наблюдая картину, где ухоженная женщина, сохранившая прекрасную кожу и сияющий взгляд, бесцельно бродит утром по огромному саду, любой, несомненно, будет поражен в самое сердце и станет ждать некоего повествования. Однако сама Кадзу лучше других знала, что история закончена, поэзия мертва. Конечно, она чувствовала в себе недюжинную силу. И в то же время понимала, что теперь эта сила сгибает, управляет ею и что пути ее не сбросить и не убежать.

Великолепный сад и недвижимость, банковские вклады и ценные бумаги, всемогущие и великодушные клиенты из политических и финансовых кругов и их деятельность обеспечивали ее старость. Достигнув такого положения, можно не беспокоиться о том, что тебя ненавидят или о тебе судачат за спиной. Прочно укоренившись в этом обществе, всеми уважаемая, она, полностью посвятив себя утонченному хобби, постепенно подготовит преемника, сможет комфортно провести остаток жизни в путешествиях и отовсюду станет рассылать поздравления и подарки знакомым.

С такими мыслями Кадзу, найдя скамью из тех, что располагались вблизи садовых ворот, и устремила взгляд на зеленый мох в глубине сада, у чайного домика. Она смотрела на поток лучей утреннего солнца и спустившуюся на землю птицу.

Тут совсем не слышно автомобильных клаксонов и грохота электричек. Мир застывает картиной на свитке.

Почему некогда ярко полыхавшие чувства бесследно исчезают? Кадзу не понимала причин. Не понимала, куда уходит то, что наполняло все существо. Общепринятое мнение, что человек достигает зрелости, обретая разнообразный опыт, не находило отклика в ее душе. По ее мнению, человек – подземная сточная канава, куда просто стекает все; он лишь мощенная булыжником мостовая на перекрестке, где машины оставили следы колес. Гниют отбросы в сточных канавах, стираются камни мостовой. Но ведь и тут шумел однажды праздничный перекресток.

Кадзу давно перестала совершать безрассудные поступки. Все в ней, как вид этого утреннего сада, было прозрачно, все имело ясные контуры, в ее мире не существовало неопределенностей. Казалось, она проникает в любые тайные помыслы. И что странно, это не все. Услышав, что человек ради выгоды обманул друга, Кадзу полагала это естественным. Узнав, что кто-то,

увлекшись женщиной, потерпел неудачу в делах, считала это вполне обычным. Она была уверена, что подобное ее не коснется.

Если люди обращались к ней за советом по поводу любовной интрижки или отношений, Кадзу сразу давала ценные указания. Психологию человека она аккуратно распределяла по десяткам ячеек, ответ на любой трудный вопрос исходил из совокупности чувств. Ничего сложнее в человеческой жизни не было. Все это – ограниченное число правил, ходов, сохраняющих баланс в начале шахматной партии, и Кадзу, как знаменитый шахматист на покое, могла любому дать дельное доброе наставление. Поэтому, само собой разумеется, она презирала понятие «время». Сколько бы человек ни гнался за модой, разве может он избежать издавна существующих законов чувств?

– Что делают сейчас молодые люди? – часто говорила Кадзу. – Они всего лишь носят другую одежду, но внутренне совсем не изменились по сравнению с прежними поколениями. И по ошибке считают опыт, новый для себя, новым для всех. Каким бы безрассудным такой опыт ни был, он такой же, как прежде. Изменился просто оценивающий взгляд общества, да и безрассудство стало шире и заметнее.

По существу прозаичная и банальная, эта точка зрения в устах Кадзу звучала внушительно.

Сидя на скамье, Кадзу наслаждалась сигаретой, которую достала из кармана в рукаве кимоно. Дымок, плывущий в утреннем воздухе, в безветренный день стелился глянцевыми шелковистыми струями. Вкус подкреплял уверенность в спокойной жизни, совершенно незнакомую женщинам, обремененным семьями. Сколько бы лишнего ни было выпито накануне, здоровый организм Кадзу никогда не воспринимал сигарету как невкусную.

Отсюда сад было не охватить взглядом целиком, но он весь жил в душе Кадзу, каждый его уголок был как на ладони. Центр сада – огромный, в темной зелени каменный дуб, скопление его облитых светом плотных небольших листьев, амурский виноград, обвивший деревья на северном склоне горы. Из кабинетов открывался вид на широкую полосу газона и скромные каменные фонари у фасада, на заросли низкорослого бамбука на островке Наканосима со старой пятиярусной башней. Самое крошечное растение, самый крошечный цветочек в саду жили не случайно.

Пока Кадзу курила, сад со всеми его деталями, казалось, полностью завладел ее воспоминаниями. Сейчас она воспринимала людей и общество как этот сад. И не просто воспринимала. Кадзу ими владела.

Глава вторая

Встреча членов общества «Кагэн»

Сообщение о том, что очередную встречу членов общества «Кагэн»⁴ с этого года он хотел бы проводить здесь, Кадзу получила от одного из министров. Общество объединяло тех, кто некогда плюс-минус одновременно служил послами. Встреча проходила раз в год седьмого ноября, но до сих пор не удавалось найти подходящего места, поэтому министр, будучи не в состоянии мириться с этим, изложил свою точку зрения.

– Все участники утонченные, удалившиеся на покой господа, – сказал министр. – Только один все никак не отойдет от дел. Ты, верно, знаешь: старина Ногутти прославился тем, что несколько раз занимал пост министра. Он недавно входил в число членов палаты представителей в парламенте почему-то от Партии новаторов, но на следующих выборах не прошел.

Этот разговор с Кадзу состоялся в саду, в разгар приема, который и устраивал министр, поэтому она не могла спокойно уточнить подробности. Сад в «Сэцугоан» заполнила толпа иностранцев, которые, в отличие от всегдашних стаек пичужек, слетелись сюда стаей крупных галдящих красочных птиц.

По мере того как приближалось седьмое ноября, Кадзу все напряженнее размышляла. Таким гостям нужно обязательно выказать уважение. Сейчас преуспевающие люди чаще находят удовольствие в нескромных шутках и излишней фамильярности, но гордость тех, кто прежде блистал в свете, а теперь ведет уединенную жизнь, такие шутки могут уязвить. Ограничить для пожилых персон число слушателей. Развлечь их легкой беседой – это создаст иллюзию, что здесь расцветает их прежнее могущество.

Меню в ресторане «Сэцугоан» в тот день было следующим:

Сун

Трюфели, тофу *гомадофу*, апельсиновый уксус *дайдайдзу*, белая паста *мисо*.

Сасими

Каракатица соломкой, корень лазурника, апельсиновый уксус *дайдайдзу*.

Горшочек

Речная форель, ракушки *анадара*, зеленый перец, апельсиновый уксус *дайдайдзу*, бульон *даси*.

Поднос с закусками

Дрозды, жаренные под соусом на гриле, лангуст, морской гребешок, маринованная репа *сэммайдзукэ*, молодые почки-бутоны солодки.

Отварные кушанья

Утка, ростки бамбука, желеобразный тофу со сладкой подливой.

Гриль *хатидзакана* — рыба – две колюшки, кафельник, жаренный в соли, апельсиновый уксус *дайдайдзу*.

Пиала

Ростки папоротника, рисовые лепешки с просом *авамоти*, маринованная слива *умэбоси*.

Кадзу надела кимоно фиолетово-серого цвета. Ткань пояса *оби*, с ромбами хризантем на пурпурном фоне, напоминала покров буддийского алтаря, пряжку поддерживающего пояс

⁴ *Кагэн* – традиционный музыкальный струнный инструмент типа японского *кото*; здесь в значении собственного имени.

шнура украшала крупная черная жемчужина. Кадзу выбрала этот наряд, чтобы подчеркнуть достоинства пышной фигуры.

День выдался теплым и солнечным, в сумерках, как раз перед восходом луны, появились прежний министр иностранных дел Ногути Юкэн и бывший посол в Германии Тамаки Хисатоми. Рядом с Тамаки, обладавшим прекрасной фигурой, Ногути выглядел худым и несколько потертым. Однако на фоне подернутых серебром волос прозрачно-ясным казался его взгляд, и по сиянию глаз, выдававшему упрямого идеалиста, Кадзу поняла, что среди постепенно собиравшихся бывших послов в Европе он единственный не ушел на покой.

Гости оживленно общались, но темы беседы касались в основном прошлого. Самым разговорчивым оказался Тамаки.

Банкет проходил в центральном кабинете банкетного зала. Тамаки прислонился к столбу между старинной формы арочным окном в черной лаковой раме и раздвижными стенами, расписанными прекрасными картинами. На них сочными красками были изображены пара павлинов и белые пионы на фоне пейзажа в стиле южной школы китайской живописи; рисунки свидетельствовали о необычном смешении вкусов прежних владельцев-феодалов.

Тамаки был в костюме от лондонского портного, из кармана жилета, что теперь редко увидишь, свисала золотая цепочка карманных часов. Явно подарок его отцу, бывшему послу в Германии, от кайзера Вильгельма II. В Германии даже во времена Гитлера эти часы ценились очень высоко.

Импозантный, красноречивый Тамаки, дипломат из аристократов, гордился тем, что хорошо знает жизнь народа, но сейчас его интересы лежали вне современности. В памяти сохранилось лишь сияние люстр, освещавших приемы, на которые некогда собирали по пятьсот, а то и по тысяче гостей.

– Да, каждый раз, как вспомню, просто мороз по коже. Вот уж поистине занятная история, – вальяжным тоном, будто желая испортить всем настроение, начал Тамаки. – В Берлине, после того как я стал послом, мне сказали, чтобы я не ездил на метро. Советник Мацуяма буквально силой затаскивал меня туда. С конца поезда это был второй... нет, третий вагон. Мы зашли, стоим где-то в гуще народа. Я посмотрел вперед и вижу – Геринг!

Здесь Тамаки, несомненно, ожидал реакции слушателей, но все неоднократно слышали эту историю, и реакции не последовало. Кадзу взяла на себя роль заинтересованного слушателя и высказалась:

– А, в то время это была известная личность. Как Като Киёмаса⁵ для Японии. И он ездил на метро?

– Да, Геринг тогда был в зените славы. А тут – в поношенной рабочей одежде едет на метро, приобняв хорошенькую девушку лет шестнадцати или семнадцати. Я решил, что обознался, присмотрелся внимательнее: нет, сам Геринг. Во всяком случае, тот приятель, с которым я каждый день сталкиваюсь на приемах. Я в жуткой растерянности, а он хладнокровен. Женщина с ним, возможно, проститутка, но я, к сожалению, в этом не разбираюсь.

– На вас не похоже.

– Ну, девушка миленькая, но слишком много косметики, помады. Геринг-рабочий касался мочек ее ушек, поглаживал по спине. Вижу, что и у Мацуямы глаза округлились, но Геринг с девушкой сошли на две остановки раньше. Нам осталось только удивляться. Потом этот Геринг в метро не выходил у меня из головы. На следующий вечер он давал прием. Мы с Мацуямой подошли поближе и принялись его рассматривать. Ну точь-в-точь вчерашний тип. В конце концов я не смог сдержать любопытства и, забыв свои обязанности посла, спросил: «Вот мы вчера ехали на метро посмотреть народный праздник. Думаю, это было полезно; вы,

⁵ Като Киёмаса (1562–1611) – полководец, государственный деятель, приемный сын объединителя Японии Тоётоми Хидэёси.

верно, поступили так же». Геринг улыбнулся и так многозначительно ответил: «Мы всегда с народом, мы – часть народа. Поэтому в метро меня насильно затаскивать не нужно».

Тамаки произнес сказанное Герингом по-немецки и тут же перевел на японский.

Послы вели себя недипломатично, не слушали других. Не дождавшись завершения рассказа Тамаки, бывший испанский посол заговорил о жизни в Санто-Доминго, прекрасной столице Доминиканской Республики, где он в свое время был посланником. Прогулки по набережной под кокосовыми пальмами, великолепные закаты над Карибским морем, смуглая кожа мулаток, отражавшая эти закаты... Старик живописал все это в полном самозабвении, но болтливый посол Тамаки прервал его и перешел к истории о том, как встречался с молодой Дитрих. Для Тамаки безвестная красавица не представляла особого интереса – чтобы расцветить повествование, необходимы были только знаменитое имя и прославленная репутация.

У Кадзу портилось настроение оттого, что в речи гостей мелькали иностранные фразы. В непристойностях важные заключительные слова всегда произносились на языке-источнике, но ее интересовала атмосфера, которую создавали люди иного круга, редко посещавшие ее ресторан. Все они определенно были «утонченными, удалившимися на покой господами»; как бы ни были они бедны сейчас, им однажды довелось прикоснуться к роскошной жизни. И память об этом, к несчастью, на всю жизнь окрасила их пальцы золотой пылью.

Среди них выделялся только Ногуту Юкэн. Мужественное лицо без заносчивости, простая, в отличие от других, одежда – ничего щегольского или напыщенного. Над кристально ясными глазами – густые и удивительно длинные брови вразлет. Великолепные по отдельности, его черты соперничали друг с другом, а худощавое телосложение подчеркивало этот диссонанс. Ногуту не забывал вовремя улыбаться, но держался настороже и в разговор вступал редко, обозначал свое участие кивком. Кадзу заметила это, едва впервые его увидела, но вдобавок при первой встрече ей сразу бросилась в глаза легкая тень несвежести на воротнике его рубашки.

«Пусть и бывший, но министр – и в такой рубашке. Наверное, за ним некому ухаживать».

Озаботившись этим, она безотчетно стала присматриваться к рубашкам других гостей. Воротники рубашек элегантных стариков все сияли белизной и жестко обхватывали шеи с увядшей кожей.

Один Ногуту не вспоминал прошлое. Он тоже, до того как вернулся в Министерство иностранных дел, был послом в карликовом государстве, но пышная тамошняя жизнь его не интересовала. И это отсутствие рассказов о прошлом подчеркивало, что живой человек здесь лишь он.

Посол Тамаки опять завел речь о былых приемах. На этот раз, как на пышном рауте в королевском дворце, под сияющими люстрами, собрались аристократические сливки Европы. То была выставка европейских орденов и драгоценностей; подобные увядшим розам, морщинистые, в пятнах, щеки старых аристократок, отражая блеск камней, выглядели особенно бледными.

Потом разговор зашел о старой опере. Один твердил, как великолепна была Галли-Курчи в сцене безумия в «Лючии», другой настаивал, что Галли-Курчи уже миновала зенит славы и слышанная им «Лючия» в исполнении Тоти даль Монте⁶ куда лучше.

Наконец молчавший до сих пор Ногуту произнес:

– Давайте оставим разговоры о прошлом. Мы ведь еще молоды.

Ногуту сказал это с улыбкой, но как-то очень убедительно, и компания умолкла.

Его слова потрясли Кадзу. В подобной ситуации добиться молчания могла хозяйка, сказав какую-нибудь глупость. Однако Ногуту достиг цели и прекрасно передал то, что хотела

⁶ Амелита Галли-Курчи (1882–1963), Тоти даль Монте (1893–1975) – итальянские оперные певицы.

сказать она, забыв о своем положении. «Он из тех, кто может замечательно выразить все, что трудно сказать», – подумала она.

От слов Ногуты блеск собравшихся гостей померк, обернулся чадящей мокрой золой, словно залили водой пламя. Один из стариков закашлялся. Общее молчание нарушил долгий свистящий хрип. По выражению глаз было понятно, что на мгновение все подумали о будущем, о смерти.

Тут сад озарило яркое сияние лунного света. Кадзу обратила внимание присутствующих на поздний восход луны. Все уже достаточно выпили, поэтому пожилые джентльмены, не боясь вечернего холода, выразили желание обойти сад, который не смогли посмотреть днем. Кадзу распорядилась, чтобы служанки приготовили фонари. Даже кашлявший старик не захотел оставаться один и вышел наружу, надев большую белую маску.

Изящные столбы-колонны в кабинетах и перила выступающей в сад веранды смотрелись утонченным фрагментом старого храма. Служанки зажгли фонари и освещали место для перемены обуви, где гости искали садовые *гета*⁷. Луна, висевшая над крышей прямо на востоке, создавала здесь густую тень.

Пока все располагались на просторном газоне, все шло нормально, но, когда Тамаки предложил отправиться на дорожку за прудом, Кадзу пожалела, что привлекла всеобщее внимание к ноябрьской луне. Тени гостей, выстроившихся на газоне, казались зыбкими, размытыми.

– Это опасно, тут обязательно надо внимательно смотреть под ноги.

Чем чаще Кадзу произносила эти слова, тем больше джентльмены, которым не нравилось, что с ними обращаются как со стариками, упрямылись и желали непременно пройти по дорожке в тени рощи. Она чудесно выглядела в лунном свете, пробивавшемся сквозь кроны деревьев, всем хотелось прогуляться вокруг пруда Тацуми, в котором плавало отражение луны.

Служанки, следуя указаниям Кадзу, старательно трудились, освещали фонарями опасные для прохода камни, пни, скользкий мох, заботливо предупреждая об этом гостей.

– Как похолодало вечером, – сказала Кадзу, прижав к груди рукава кимоно. – А ведь день был теплым.

Рядом шел Ногуты; его вырывавшееся из-под усов дыхание белым облачком висело в воздухе. Он ничего не ответил.

Кадзу, чтобы указывать дорогу, прошла вперед и невольно ускорила шаг. Фонари следовавших за ней служанок двигались в тени рощи вокруг пруда, в воде причудливо мелькали отражения луны и света фонарей. Сама Кадзу была по-детски возбуждена, даже больше, чем «утонченные, удалившиеся на покой господ». Обернувшись к пруду, она громко позвала:

– Какая красота! Посмотрите на пруд, на пруд!

На губах Ногуты заиграла улыбка.

– Вы так громко крикнули. Совсем как девочка.

Прогулка по саду благополучно завершилась, но после того, как все вернулись в кабинет, случилось неподвиженное.

Заботами Кадзу комнату жарко натопили газовой печкой, старики, замерзшие во время ночной прогулки, окружили ее и расслаблялись каждый по-своему. Подали фрукты, японские сладости и зеленый чай. Тамаки говорил меньше, поэтому оживление спало. Настало время расходиться, Тамаки направился в уборную. Когда все принялись подниматься, обратили внимание, что он еще не вернулся, и решили немного подождать. Молчание становилось гнетущим, и четыре старика свернули в русло темы, которой не хотели касаться.

⁷ *Гета* – традиционная деревянная японская обувь с ремешками и зубцами на подошве; деревянная доска, на которую ставится ступня, имеет внизу выступы, и в ней просверлены три отверстия, через которые продевается ремешок таким же образом, как у пляжных вьетнамок.

Разговор соскользнул на проблемы со здоровьем. Каждый жаловался на затрудненное дыхание, болезни желудка, низкое давление. Ногути сидел с каменным лицом и к беседе не присоединялся.

– Пойду-ка я посмотрю, в чем дело, – тихо произнес он и встал.

Кадзу, словно эти слова придали ей мужества, встала и отправилась следом. Она почти бежала по хорошо натертому полу в коридоре. Посол Тамаки упал в уборной.

Глава третья

Мнение мадам Тамаки

Кадзу с тех пор, как стала владелицей «Сэцугоан», еще не сталкивалась с подобной ситуацией. Она закричала, позвала на помощь. Прибежали служанки. Кадзу распорядилась собрать всех мужчин в доме. Тут в коридор подошли ценители музыки и другие участники встречи.

Кадзу краем уха слышала, как Ногутти спокойно сказал членам общества:

– Наверное, инсульт. Ресторану это, конечно, создаст проблемы, но его нельзя перемещать – думаю, лучше вызвать доктора сюда. Дальнейшее предоставьте мне. Ведь вы все люди семейные, ничем не связан тут я один.

Странно, что среди всего важного, сказанного Ногутти, четко и ясно Кадзу уловила именно это. «Ничем не связан тут я один», – вполне определенно заявил Ногутти. Смысл этих слов светом пролился ей в душу; казалось, там, внутри, дрожит туго натянутая серебряная струна.

Кадзу всем сердцем отдалась заботам о больном, но в этих хлопотах ярко помнились только слова Ногутти. Они бились в голове Кадзу, даже когда она, чувствуя вину перед прибывшей вскоре мадам Тамаки, со слезами и непритворно извинялась за свою небрежность.

– Вы преувеличиваете свою ответственность. Тамаки у вас впервые, и вы ничего не знали о состоянии его здоровья. Ведь и на прогулке в холодном саду больше всех настаивал именно он, – защищал Кадзу стоявший рядом Ногутти.

Больной продолжал громко хрипеть.

Мадам Тамаки – красивая женщина средних лет, одетая по европейской моде, – выглядела моложе своего возраста. Она довольно безразлично восприняла тяжелое состояние мужа. Слегка хмурилась, когда из большого зала доносились громкие звуки *сямисэна*⁸. Предложение доктора «по меньшей мере на один день оставить больного здесь» она в высшей степени хладнокровно отвергла, пояснив свое решение:

– Муж часто говорит: «Не следует доставлять людям беспокойства». Если он причинит такие хлопоты ресторану «Сэцугоан», то, выздоровев, будет очень недоволен и станет меня ругать. К тому же здесь много гостей. Вот если бы мы давно были близко знакомы... А так я больше не могу обременять хозяйку. Нужно как можно скорее отвезти его в больницу.

Мадам любезным тоном неоднократно повторяла одно и то же, несколько раз благодарила стоявшую рядом Кадзу. Та протестовала и настаивала:

– Не стесняйтесь, оставьте больного на несколько дней здесь, как советует доктор.

И эта изысканная церемония бесконечных взаимных уступок происходила у изголовья хрипящего больного. Мадам не теряла хладнокровия, Кадзу была верна себе – оставалась искренне и настойчиво участливой, – и все это утомляло доктора.

Тамаки сразу поместили в практически не используемой отдельной комнате размером восемь дзё⁹. Больной, Ногутти, мадам Тамаки, доктор, медсестра, Кадзу – вместе они создавали здесь хаос. Ногутти сделал Кадзу знак глазами и покинул комнату. Она последовала за ним в коридор. Ногутти шел впереди.

Со спины, по его уверенной походке, ей вдруг показалось, будто здесь дом Ногутти, а она – редкий гость.

⁸ *Сямисэн* – трехструнный щипковый музыкальный инструмент.

⁹ *Дзё* – единица площади, чуть больше 1,5 кв. м. Служит для измерения помещений, застланных соломенными матами *татами*.

Он двигался наугад. Миновал крытую галерею, слегка изогнутую наподобие мостика. Затем свернул по коридору налево. Вышел на задний двор, где во множестве цвели белые хризантемы. В палисаднике перед домом ничего не сажали, но на заднем дворе во всякий сезон распускались разные цветы.

В двух смежных комнатках, обращенных в эту часть сада, жила Кадзу. Свет в них не горел. Вне работы, для себя, ей хотелось небольшого, можно сказать, запущенного садика. Такого, где растения высажены свободно и беспорядочно, где не лежат по строгой схеме садовые плиты, нет маленьких чаш для омовения рук, а все выглядит небольшой дачей, с пионами в обрамлении ракушек, и где можно укрыться от летнего зноя. Поэтому и белые хризантемы в этом садике были разные: одни на высоком стебле, другие на совсем коротком. В начале же осени сад зарастал космеями.

Кадзу специально не стала приглашать Ногуту в свои комнаты, даже не дала понять, что здесь ее личное жилье. Ей не хотелось выказывать особенную близость. Поэтому она предложила Ногуту кресло в коридоре, у стеклянной двери, откуда был виден сад. Устроившись в кресле, Ногуту тут же произнес:

– А вы еще и упрямая. Любезность далась вам нелегко.

– Пусть он гость, который у меня в ресторане впервые, но, если он заболел в моем доме, я должна за ним ухаживать.

– Это линия поведения, которой вы хотите следовать. Но вы не ребенок и понимаете, что отговорки жены Тамаки не просто вежливость, – ясно, что она хотела этим выразить.

– Понимаю.

Кадзу рассмеялась, под глазами собрались морщинки.

– Раз понимаете, значит дело исключительно в вашем самолюбии.

Кадзу не ответила.

– А мадам, когда вы сообщили ей, что муж упал, задержалась, не пожалела времени на макияж.

– Для жены посла это естественно.

– Ну не всегда же!

Высказавшись, Ногуту умолк. Его молчание пришлось Кадзу по душе.

Из дальнего зала едва слышно доносилось пение под аккомпанемент цитры. Кадзу наконец-то справилась с растерянностью и беспокойством из-за происшествия. Ногуту, вольготно развалившись в кресле, достал сигарету. Кадзу поднялась, поднесла ему огонь.

– Премного благодарен, – произнес Ногуту бесстрастным тоном.

Кадзу уловила в его словах что-то из области иных отношений, не тех, что складываются между хозяйкой ресторана и клиентом. Ее охватило счастье, и она не удержалась, выказала свои чувства:

– Наверное, это нехорошо по отношению к господину Тамаки, но у меня почему-то беззаботное настроение. Может, дело в опьянении от сакэ?

– Да, – согласился Ногуту и продолжил невпопад: – Я как раз задумался о женском тщеславии. Позвольте мне говорить откровенно: мадам Тамаки, пусть это и ускорит смерть мужа, хочет дать ему умереть не в кабинете ресторана, а на больничной койке. Я всерьез беспокоюсь за жизнь старого друга. Я хотел бы, чтобы до тех пор, пока допускает положение, он оставался здесь, и прошу вас помочь. Однако тщеславие его жены не позволяет мне навязывать свою дружбу, даже как близкому другу.

– Но это не то, что вы чувствуете. – Произнеся это, Кадзу показала, что может говорить с Ногуту без стеснения. – Я, что бы там люди обо мне ни думали, следую своим чувствам. Во всяком случае, делала так до сих пор. И таким путем я многого достигла.

– Сегодня вечером вы ведь тоже следовали своим чувствам, – серьезным тоном произнес Ногуту.

Кадзу в его словах почудилась ревность, и она вознеслась на седьмое небо от счастья. Но добрая по натуре, она поспешила с объяснениями, которых от нее не требовали:

– Нет. Я просто растерялась и считала себя ответственной за случившееся, но к господину Тамаки никаких особых чувств никогда не питала.

– Выходит, это просто упрямство. В таком случае больного следует как можно скорее перевезти отсюда в больницу.

Ногутти встал. Холод и непоколебимая уверенность в его голосе разрушили мечту Кадзу. Но она превосходно владела собой, и ее ответ, вовсе свободный от эмоций, прозвучал просто и искренне:

– Да, давайте так и поступим. Как говорит супруга господина Тамаки.

Оба в молчании возвращались по коридору. После паузы Ногутти заговорил:

– Если сегодня вечером его переведут в больницу, я вернусь домой, а завтра где-нибудь днем поеду навестить. У меня есть свободное время.

Гости из большого зала, похоже, разошлись. Шум веселой вечеринки смолк. «Сэцугоан» наполнила пустая, как пещера, ночь после банкета. Чтобы сократить путь, Кадзу с Ногутти двинулись через большой зал. Две служанки, которые наводили там порядок, почтительно склонили головы. Кадзу и Ногутти прошли перед золотой ширмой из шести створок, служившей фоном для танцевальной сцены. Золото на ширме после банкета словно потускнело, поглотило собой пламя и при этом казалось странно мрачным.

– Я не вышла во время открытия – что-нибудь об этом говорили? – спросила Кадзу одну из служанок.

Немолодая медлительная женщина в недоумении подняла на них глаза. Подобные вопросы Кадзу никогда не задавала в присутствии гостей, а Ногутти, вне всякого сомнения, был гостем.

– Нет. При открытии все были в прекрасном настроении, – ответила служанка.

Они тихонько раздвинули стену в комнату, где лежал больной. Сидевшая рядом с ним мадам Тамаки бросила на них пристальный взгляд из-под тщательно прорисованных тонких бровей. На булавке, приколотой к черной шляпке, ослаб зажим, булавка сдвинулась, и серебро обнажившейся части иглы мерцало, отражая проникший из коридора свет.

Глава четвертая

Свободное время вдвоем

Вскоре посла Тамаки перевезли в университетскую клинику. На следующий день, около полудня, Кадзу приехала его навестить, и ей сообщили, что он по-прежнему в коме. Она отправила в палату больного корзину с фруктами, а сама осталась в коридоре, села на стоявший поодаль от двери стул и стала ждать Ногуты. Он никак не приходил, и Кадзу вдруг осознала, что равнодушна к этому человеку.

Несмотря на ее решительный характер, ей не доводилось любить мужчин моложе себя. Молодые мужчины психологически и физически излишне темпераментны, а также очень самонадеянны в отношениях с женщиной старше их, и неизвестно, насколько они этим могут злоупотребить. К тому же Кадзу не любила все то, что было связано с молодостью чисто физически. Женщина лучше мужчины замечает неприглядное несоответствие между духом и телом, а Кадзу не встречала молодых людей, которые умели преподнести свою молодость. И еще кожа молодого мужчины так неприятно лоснится.

Она размышляла об этом в мрачном, полутемном коридоре больницы. С ее места было хорошо видно, что происходит в палате Тамаки. Корзины с цветами от посетителей уже выпирали за дверь. Кадзу вдруг обратила внимание на собачий лай и выглянула в окно.

Холодное хмурое небо нависало над обнесенным металлической оградой вольтером, где держали подопытных бродячих собак. Внутри стояли ряды грубо сколоченных будок самой разной формы. Одни походили на курятники, другие обычные, какие делают для сторожевых собак. Часть хаотично разбросанных собачьих домиков покосилась, часть лежала на боку: их сдвинули посаженные на цепь собаки. Помимо жутко худых животных с облезлой шерстью, там были и весьма упитанные. Все они умоляюще и жалобно скулили.

Сотрудники больницы, похоже, привыкли: никто не останавливался перед решеткой; по другую сторону огороженной площадки смотрели на мир маленькие окошки старого трехэтажного здания исследовательской лаборатории.

Жалобное повизгивание наполнило душу Кадзу небывалым состраданием. Ее потрясло, что сердце вдруг затопили такие чувства. Бедные собачки! Бедные собачки! На глазах выступили слезы. Она принялась всерьез размышлять, есть ли способ спасти собак, – это избавляло от мук ожидания.

Подожел Ногуты, увидел Кадзу в слезах и сразу спросил:

– Умер?

Кадзу поспешила его успокоить, но ситуация была неподходящей, и она упустила случай объяснить причину своих слез.

Ногуты явно торопился и задал вопрос по-детски несуразно:

– Вы здесь кого-то ждете?

– Нет, – коротко ответила Кадзу, и ее пухлые щеки наконец дрогнули от улыбки.

– Тогда это очень удобно. Я приду сразу после визита к больному, подождите меня здесь. Я свободен, вы днем, наверное, тоже свободны. Можем провести это время вместе. Пойдем в город, поедем.

Когда они медленно спускались по мощенному камнем склону холма за университетской больницей, тучи разошлись и с неба потоком хлынули солнечные лучи.

Кадзу ждала машина, однако Ногуты предложил пройти пешком, поэтому машину отослали. Тон, каким Ногуты распорядился отпустить машину и идти пешком, похоже, отражал некие моральные убеждения, поэтому у Кадзу сложилось впечатление, будто ее порицают за

расточительство. Потом ей несколько раз предоставлялся случай сгладить это ощущение, но Ногуту всегда выражался слишком честно и прямо, посему его незначительное своеволие и даже капризы выглядели тактично.

Они собирались перейти дорогу и отправиться в парк Икэнохата¹⁰. Проезд в обе стороны был сплошь забит снующими машинами, Кадзу была уверена, что легко перебежит дорогу, однако Ногуту осторожничал и все не двигался с места. Кадзу уже готова была кинуться вперед, но он опять со словами «еще нет, нет» удерживал ее. И она упускала момент. Просвет, который позволял проскочить на другую сторону, мгновенно закрывал проезжавший автомобиль, в его окнах горело зимнее солнце. В конце концов Кадзу потеряла терпение.

– Сейчас! Вот сейчас. – С этими словами она крепко схватила Ногуту за руку и бросилась через дорогу.

Очувтившись на противоположной стороне, Кадзу так и не отпустила его руку. Рука была очень сухой, тонкой, будто слетевший с ветки лист, и потихоньку, украдкой стала высвобождаться из пальцев Кадзу. Она почти бессознательно продолжала сжимать ладонь Ногуту, но он своими робкими попытками отнять свою руку привлек к этому ее внимание. Его рука убежала, совсем как капризный ребенок, который, извиваясь, выбирается из объятий взрослых.

Кадзу невольно взглянула Ногуту в лицо. Кристально чистые глаза под грозными бровями смотрели спокойно, как ни в чем не бывало.

Они вышли к парку Икэнохата, зашагали по дорожке вдоль пруда, огибая его справа. Вевший над прудом ветерок был довольно холодным, поверхность воды покрылась мелкой рябью. Синева зимнего неба и тучи растворялись в дрожащей воде. Широко разлился и колыхался у кромки противоположного берега небесно-синий цвет, отмечавший разрывы между облаками. По пруду плавало несколько лодок.

Насыпь у пруда покрывали опавшие мелкие листочки ивы – не только желтые, встречались даже облитые желтизной зеленоватые. По сравнению с пыльным кустарником, усеянным бумажным мусором, опавшие листья выглядели свежими.

По пути встретилась группа школьников, бегавших наперегонки. Все они были в белых тренировочных брюках и, похоже, уже сделали пару кругов. Их вид – сдвинутые тонкие ребяческие брови и тяжелое дыхание – напоминал о статуе Ашуры¹¹ из храма Кофукудзи. Полностью поглощенные своим делом, они пробежали мимо Кадзу и Ногуту, оставив за собой топот легкой спортивной обуви по земле. Розовое полотенце, обвязанное вокруг шеи одного мальчишки, мелькало на аллее под облетевшими деревьями, пока он не исчез вдали.

Ногуту не мог умолчать о почти полувековой разнице между ним и этими подростками:

– Сильные люди. Эти мальчишки молодцы. У моего друга начальник – бойскаут; я-то думал, зачем тратить время на глупости, но теперь понимаю, почему его это привлекло.

– Дети такие чистые, простодушные, – согласилась Кадзу.

Однако, глядя на эту чистоту со стороны, она ничуть не завидовала. Да и впечатления Ногуту казались слишком прямодушными и незатейливыми.

Вдвоем они наблюдали, как подростки бегут вдоль пруда, отбрасывая тени на воду. Уныло тянулись скопления зданий на широких улицах Уэно¹²; два оранжевых рекламных шара висели в подернутом копотью небе.

¹⁰ *Икэнохата* – коммерческий квартал Токио, на востоке граничит с районом Уэно.

¹¹ *Ашура* – одна из самых известных буддийских статуй в Японии, национальное достояние, датируется 734 годом (период Нара). Ашура дэва – бог войны в индуизме. В буддизме почитается как спутник и один из восьми телохранителей Будды. Обычно его изображают с кровавадной гримасой, но японская статуя отличается от этих изображений тонкими, изящными чертами и сложенными в молитвенном жесте руками.

¹² *Уэно* – крупный район Токио с парком, историческими и культурными достопримечательностями, музеями, зоопарком, большим открытым рынком.

Кадзу заметила потертые обшлага на рукавах пальто Ногуты; увиденное словно осуждало ее. Во всяком случае, эти печальные открытия лежали в области, ей недоступной, и, казалось, с самого начала отвергали ее назойливость.

И тут Ногуты с неожиданной для него чувствительностью пояснил:

– Вот это? Пальто сшито в тысяча девятьсот двадцать восьмом году в Лондоне. Но мне оно кажется новым: вещи, которые носишь, чем они старше, тем лучше, вы так не думаете?

Ногуты и Кадзу пересекли остров Бэнтэндзима, окруженный облетевшими лотосами, прошли через территорию храма Годзётэндзиндзя, поднялись на гору в Уэно и, любясь синевой зимнего неба, за тончайшими силуэтами оголенных деревьев подобного витражу, дошли до старого входа в ресторан «Сэйёкэн». Во время обеда в гриль-зале было свободно.

Ногуты взял дежурное блюдо, Кадзу последовала его примеру. От их столика возле окна видна была колокольня старого храма. Искренне радуясь хорошему отоплению, Кадзу заметила:

– Холодно было на прогулке.

Но эта прогулка по холоду была окрашена для нее в тона, которых она никогда не знала в дни, заполненные работой с клиентами. В этой прогулке таилось нечто удивительное. Кадзу привыкла не обдумывать тщательно то, что происходит с ней сейчас, а откладывая размышления на потом. Например, говоришь с человеком, и на глазах неожиданно выступают слезы. В это мгновение ты не понимаешь их причину, чувства вызвали их бессознательно.

Хотя Кадзу сказала, что на прогулке было холодно, Ногуты не извинился, что заставил ее пройти пешком. Поэтому ей пришлось распространяться о том, что да, она замерзла, но какой же приятной была прогулка. В конце концов Ногуты, воспользовавшись тем, что подали закуски, сказал:

– Замечательно.

Его бесстрастное лицо выглядело довольным.

До сих пор Кадзу не встречала таких мужчин. Приходили молчаливые гости, в беседах с которыми говорила больше она, однако Ногуты своим молчанием будто вызывал на общение. Странно, почему немолодой и во всех отношениях простой человек наделен таким талантом.

Когда разговор прерывался, Кадзу разглядывала чучело райской птицы в стеклянной витрине, шторы мрачного цвета, надпись в рамке «Зал для почетных гостей», изображение старого линкора «Исэ», построенного на верфи в Кавасаки. Это была гравюра на меди в стиле Аодо Дэндзэна, мастера второй половины периода Эдо¹³: линкор «Исэ» мчался, показывая среди тщательно выписанных волн, будто нижнюю юбку, красную черту ватерлинии. Поглощавший обед бывший посол, одетый в старое английское пальто, был очень к месту в этом ресторане стиля эпохи Мэйдзи¹⁴. Это раздражало Кадзу, предпочитавшую в вещах модную ныне практичность.

Ногуты снова заговорил:

– Дипломатия – это умение видеть людей. Я думал, что получил, не имея на то особых способностей, просто глаза, чтобы в течение долгой жизни видеть людей. Моя покойная жена была прекрасной женщиной, я однажды увидел ее этими глазами и сразу понял, что она предназначена для меня. Но я не предсказатель, поэтому не знаю, сколько человек проживет. Жена после войны очень быстро заболела и умерла. Детей у нас не было, и я остался совсем один. А-а, суп, если осталось немного, можно доесть, наклонив тарелку от себя. Вот так.

¹³ Эдо – по японскому летосчислению, основанному на годах правления, период 1603–1868 годов, исторически время правления клана Токугава, известен как период самоизоляции Японии.

¹⁴ Мэйдзи – по японскому летосчислению, период 1868–1912 годов после Буржуазной революции 1867–1868-го, когда было прекращено правление сёгуна и формально восстановлена власть императора; известен также как период вестернизации Японии.

Кадзу потрясенно последовала его совету. До сих пор она не бывала в ресторане с женщиной, дававшим советы, как есть европейскую еду.

– Я по поводу будущей весны, – продолжал Ногутти, не обращая внимания на выражение лица Кадзу. – Меня приглашают в Нару посмотреть в Нигацудо храма Тодайдзи ритуал извлечения воды – Омидзутори¹⁵. Собираюсь поехать, я такого еще не видел. А вы?

– Я тоже не видела. Меня несколько раз приглашали, но все не складывалось.

– Вот как... Может быть, отправимся вместе? Вы не заняты?

– Да, – без промедления ответила Кадзу.

До предложенной поездки оставалось еще несколько месяцев, но после согласия на нее сразу нахлынула радость, мечты воспарили ввысь. Лицо, после холодного воздуха покрасневшее от тепла в помещении, теперь вспыхнуло от прилива крови, и Кадзу не смогла этого скрыть.

– Да в вас прямо огонь пылает, – заметил Ногутти, орудуя рыбным ножом с мелкими зубчиками.

Он казался полностью удовлетворенным, самонадеянно навязывая другим собственные наблюдения.

– Огонь... – Кадзу безумно обрадовалась сказанному, повторила: – Огонь... надо же. Я не чувствую, но многие, заигрывая, говорили, что я женщина с огоньком.

– Я не заигрываю.

Кадзу умолкла, отмахнувшись от слов Ногутти, как от назойливой мошки.

Прервавшийся разговор возобновился; теперь речь зашла об орхидеях. Для Кадзу это опять была незнакомая тема, и она в вынужденном молчании слушала, как сидевший напротив немолодой человек, словно мальчишка, гордится, выдавая бесполезные знания. Она представляла себе, как лет двадцать назад Ногутти высокопарно изливает все, что знает, понравившейся ему девушке.

– Посмотрите туда. Знаете, как оно называется?

Кадзу повернула голову, пристально посмотрела на растение в горшке, размещенное на подставке, но ей было неинтересно, и она, повернувшись, сказала, что не знает. Ответ последовал незамедлительно.

– Это дендробиум, – недовольно произнес Ногутти.

Кадзу вновь пришлось обернуться и очень внимательно рассмотреть цветок.

Это была оранжерейная орхидея, ничем не примечательная, высаженная в ярко-синий горшочек. Над стеблем, как у хвоща, покачивалось несколько цветочков с узкой алой кромкой. Сложная форма, вроде орхидей, сложенных в технике оригами, и отсутствие ветра придавали им искусственный вид. Чем дольше Кадзу вглядывалась в пурпурную сердцевину цветка, тем более дерзким и неприятным он ей казался, совсем не подходящим для этого зимнего после-полуденного времени.

¹⁵ *Омидзутори* – ритуал, проводимый в храме Нигацудо, который является частью храма Тодайдзи в городе Нара, заключительная часть двухнедельной буддийской церемонии Сюниэ.

Глава пятая

Толкование любви

Во второй половине дня, расставшись с Ногуты, Кадзу вернулась в «Сэцугоан» и теперь боялась, что счастливые часы, проведенные за обедом, естественным образом растворятся в деловых заботах. Ее радовал интерес, который проявил к ней другой человек. И эта радость впервые позволила ей почувствовать давнее одиночество.

Пока они были вместе, Кадзу этого не ощущала, но после расставания внезапно налетел ураган чувств. Она пылко предалась фантазиям: во-первых, следить, чтобы он всегда был в чистой, свежестырированной рубашке, носил сшитую на заказ европейскую одежду. Но стоило увлечься этим, как возник вопрос: что о ней думает Ногуты? Не узнав этого, нечего и думать о вмешательстве со своей заботой. И здесь не было никакой ясности. Кадзу с удивлением подумала, что опять столкнулась в жизни с ситуацией, когда совсем не понимает побуждений другого человека. Это не просто удивляло – это огорчало.

Почему у Ногуты, как бы хороши ни были надетые на нем вещи, такой жалкий вид, – размышляя об этом, Кадзу всерьез разволновалась из-за его доходов. Он явно живет на пенсию; нельзя сказать, что этого достаточно. Для человека, бывшего когда-то министром, нынешнее положение следует назвать тупиковым. Вечером, принимая гостей, Кадзу со странным беспокойством думала о том, нельзя ли как-нибудь узнать реальные цифры.

Случайно оказавшись около чиновников, обсуждавших выход на пенсию, Кадзу равнодушно спросила:

– Вот вы, если стали бы в правительстве управлять ресторанным бизнесом, верно, такую старушку, как я, живо отправили бы на пенсию? Насколько лучше получать пенсию и жить, развлекаясь в свое удовольствие, чем заниматься моим тяжким трудом. Мне какую пенсию дадут?

– Да-а, хозяйка гостиницы – это уровень министра: тогда в месяц где-то около тридцати тысяч.

– Ах, я смогу столько получать? – с невинным видом, рассмешив всех, восхитилась Кадзу.

Тем же вечером в своей комнатке размером в четыре с половиной дзё она долго не могла уснуть и витала в облаках.

Жильем Кадзу служило невзрачное, безвкусное помещение, которое невозможно поставить в один ряд с комнатами для гостей в «Сэцугоан»: у изголовья настольный телефонный аппарат, вокруг в беспорядке громоздятся прочитанные журналы. Ни одной изысканной вещицы, в нише *токонома*¹⁶ стоят в ряд выдвижные ящички. Кадзу забирается в расстеленную на полу постель с грудой одеял и наконец-то чувствует себя собой.

Теперь понятно, доход у него тридцать тысяч в месяц. «В таком случае сегодняшний обед был приличной тратой», – подумала она, и это тронуло душу. Мечты Кадзу, получившей в свое распоряжение наглядный материал, словно обрели крылья. Прежнее положение мужчины, его нынешняя бедность, решительная позиция – все это привносило в ее работу, где она имела дело только с преуспевающими людьми, частичку романтики.

На следующее утро обычную прогулку пришлось отменить из-за заметки в углу развернутой газеты. Она извещала о смерти Тамаки: накануне вечером, в десять, тот скончался в больнице. Писали, что церемония прощания состоится послезавтра с часа дня в храме Хонгандзи

¹⁶ *Токонома* – ниша в стене в углу гостевой комнаты японского дома высокого класса; состоит из опорных деревянных колонн, рамы. Там обычно вешают свиток – картину или образец каллиграфии, ставят цветочную композицию.

в Цукидзи¹⁷. Кадзу немедленно стала готовиться к визиту с соболезнованиями, достала траурное кимоно, но передумала, представив, в каком состоянии сейчас жена покойного. Потерпеть, подождать пару дней – эти мысли зажгли огонь в ее пылком сердце.

Ногути, несмотря на газетную заметку, должен был сразу сообщить Кадзу о смерти Тамаки. Его телефонный звонок дал бы надежду на его любовь или хотя бы дружеское расположение. Но от Ногути не было никаких вестей. Каждый раз, когда звонил телефон, Кадзу робела, как юная девушка, дыхание у нее перехватывало. Она боялась, что если звонит Ногути, то, отвечая мужчине, который сообщает о смерти друга, она не сможет скрыть радости в голосе.

Кадзу не так уж ждала церемонии прощания. Она собиралась предварительно сходить в парикмахерскую, но перенесла это на утро того же дня. Прогуливаясь утром накануне похорон, Кадзу удивила садовников. Ни «доброго утра», ни замечаний, – опустив голову, она один раз быстрым шагом обошла сад. Такого еще не было: во время этой прогулки по саду хозяйка выглядела как сумасшедшая.

– Это горная колдунья обходит свои владения, – заявил пожилой садовник, который служил здесь со времен предыдущего хозяина.

Вечером накануне церемонии прощания с Тамаки от Ногути все еще не было звонка; Кадзу охватило уныние. Однако для нее это само по себе было поводом для бурных эмоций. Она не желала думать, что, скорей всего, Ногути очень занят, он руководит подготовкой к похоронам близкого друга и у него просто нет времени. Она не принимала во внимание причины, которые могли бы ее утешить. Ее терзала мысль, что она брошена.

Прошлой ночью она жаждала отомстить то ли Ногути, то ли госпоже Тамаки и придумала собрать сто тысяч иен в качестве подношения семье покойного. Кадзу посчитала, что это в три раза больше пенсии бывшего посла. Ею руководило не чувство долга, не признательность – ее угнетало, что ничем, кроме этой огромной суммы, ей не выразить своего душевного состояния.

День церемонии прощания выдался обычным для начала зимы – теплым и ясным. Дул легкий, мягкий ветерок. Кадзу отказалась от утренней прогулки, много времени потратила на то, чтобы надеть траурное кимоно, на машине отправилась в парикмахерскую в Гиндзе¹⁸.

Через залитое солнцем окно она видела молодых людей, шагавших по городу. Кадзу, выпятив грудь в траурном кимоно с чуть приспущенным сзади воротом, следила за ними внимательным и понимающим взглядом. Ей казалось, что перед нею движутся прозрачные фигуры. Чувства, амбиции, мелкие хитрости, слезы, смех – Кадзу все это отчетливо видела.

На углу встретились четверо студентов: два юноши и две девушки. Совсем не по-японски бурно размахивая руками, один из них, в студенческой форме и фуражке, приобнял девушку за плечи и оставил руку так. На девушке было пушистое полупальто цвета персика. Делая вид, что не замечает мужской руки на плечах, она щурилась на ярком по-весеннему солнце и рассеянно озирала улицу, где ходили трамваи.

Когда светофор переключился на зеленый и машина тронулась с места, Кадзу увидела нечто странное. Девушка в персиковом полупальто вдруг сорвала с юноши фуражку и швырнула ее на проезжую часть. Кадзу невольно взглянула в заднее окно: куда фуражка полетит. Фуражку сбила машина, ехавшая следом; видно было, как студент топчется на тротуаре.

Шофер краем глаза заметил происшествие.

– Современные девушки совсем не понимают, что делают. Зачем она такое творит? Почему? – высказался он с угрюмой усмешкой.

– Глупая шутка, – отозвалась Кадзу, но сердце у нее вдруг учащенно забилось, очарованное вызывающим поступком девушки, сорвавшей мужскую фуражку и бросившей ее под

¹⁷ Цукидзи – район в Токио. Известен тем, что с 1935 по 2018 год здесь располагался один из крупнейших в мире оптовых рынков рыбы и морепродуктов.

¹⁸ Гиндза – один из центральных кварталов и фешенебельный торговый район Токио.

колеса. Это выглядело бессмысленным, но странным образом ошеломляло. Кадзу несколько мгновений рассматривала взлохмаченные волосы потерявшего фуражку студента.

Этот случай занимал мысли Кадзу и в парикмахерской, где ей долго и старательно делали прическу. Всегда оживленная и разговорчивая во время стрижки, сегодня она по большей части молчала. В зеркале отражалось благородное и красивое лицо, но извечные похвалы парикмахера звучали фальшиво. Лицо определенно не было молодым.

Церемония прощания с покойным в храме Хонгандзи в Цукидзи выглядела внушительно. Очередь прощавшихся тянулась вдоль венков. Кадзу на приеме передала конверт с подношением в сто тысяч иен для семьи покойного и присоединилась к очереди. Почти-точно поприветствовала знакомых из числа гостей «Сэцугоан». Плывущий в солнечном свете начала зимы свежий аромат благовоний бодрит, большинство прощавшихся составляли старики; один, стоявший прямо перед Кадзу, издавал странные звуки, постоянно двигая вставной челюстью.

Кадзу представила, что по мере движения очереди близится миг, когда она увидит Ногуту, и сердце сразу всполошилось, все прочие мысли выветрились из головы. Вскоре показала вдова Тамаки. Глаза ее были скорее суровы, чем печальны, взгляд, который она поднимала в перерывах между глубокими, почтительными поклонами, словно был привязан нитью к какой-то одной точке в пространстве.

Наконец появился Ногуту – затянутый в тесную, сшитую на заказ визитку, с черной повязкой на руке. Подбородок слегка вздернут, лицо бесстрастное.

Кадзу зажгла ароматические палочки и посмотрела Ногуту прямо в глаза. Он, не дрогнув, равнодушно воззрился на нее и почтительно склонил голову.

Не произошло ничего неожиданного. Просто по какой-то несурзадной причине именно тогда, встретив этот бесстрастный взгляд, Кадзу ясно осознала, что любит Ногуту.

Вернувшись в «Сэцугоан», она, не медля ни минуты, написала ему кистью длинное письмо на тонкой бумаге:

Милейший господин Ногуту!

Сегодня я была счастлива, пусть и на краткое мгновение, увидеть Вас в добром здравии и расположении духа. Невозможно забыть нашу недавнюю встречу. Вы так порадовали меня любезным приглашением на обед и прогулкой у пруда. Не могу припомнить, когда бы еще я так наслаждалась возможностью быть гостьей. Вероятно, Вы спешите мой восторг на то, что для человека, обычно развлекающего гостей, вполне естественно радоваться, оказавшись для разнообразия в положении, когда развлекают его самого. Но уверяю Вас: Вы осчастливили меня своей заботой.

Однако мне есть в чем Вас упрекнуть. Прочитав в газете о кончине господина Тамаки, я была потрясена. И одновременно в замешательстве. Почему за все это время Вы не сочли возможным хотя бы позвонить мне? Позвольте мне быть с Вами откровенной.

Вряд ли Вы можете представить, с каким нетерпением я ждала возможности услышать Ваш голос. Если бы Вы удостоили меня хотя бы кратким сообщением о случившемся, для меня это стало бы свидетельством Вашего неравнодушия. Не могу передать, как я огорчена Вашим молчанием.

Я не намерена утомлять Вас докучливыми претензиями и надеюсь, что Вы отнесетесь к сему письму как к излиянию моей нетерпеливой души, столь сильно привязанной к Вам. Живу надеждой на скорую встречу с Вами.

Кадзу

На следующий день, во время танцевальной репетиции, которую Кадзу посещала из чувства долга, на словах вступительной части к танцу Ясуны¹⁹ из репертуара театра кабуки: «Любовь! Любовь, в сердце пусто – такая вот любовь» – у нее полились слезы.

А еще через день, около полудня, позвонил Ногути. Он разговаривал как ни в чем не бывало, а о письме и вовсе не упомянул.

Голос по телефону звучал серьезно, даже торжественно, беседа, прерываемая паузами, продолжалась довольно долго. Они договорились о встрече.

В конце разговора Кадзу потеряла терпение и напористо высказала свои претензии:

– Так почему же вы лично не сообщили мне о смерти господина Тамаки?

На другом конце телефонной линии Ногути с неприятным смешком, словно желая выиграть время, неопределенно произнес:

– По правде говоря, особых причин не было, просто лишняя возня.

Смысл ответа от Кадзу ускользнул. «Лишняя возня». Это явно из лексикона стариков.

¹⁹ *Ясуна* – Абэ-но Ясуна, персонаж пьесы театра кабуки. По легенде, влюбился в кицунэ Кудзуноху и женился на ней. Впоследствии они стали родителями великого заклинателя Абэ-но Сэймэя.

Глава шестая

В ожидании поездки

После этого звонка они часто встречались. Кадзу побывала у Ногуты в гостях. Он жил один в старом доме в районе Сиинамати, заботилась о нем невзрачная служанка средних лет, и это успокоило Кадзу. Она вдруг загорелась желанием окружить его всяческим вниманием; блюда для новогодней трапезы по ее распоряжению доставили из ресторана «Сэцугоан».

Полки в кабинете Ногуты заполняли европейские издания; Кадзу прониклась уважением к текстам, к словам, которые не могла прочесть.

– И вы все это читали?

– А-а, почти.

– Среди них, наверное, есть книги о разных тайнах.

– Таких – ни одной.

Это решительное утверждение удивило Кадзу. Мир, созданный интеллектом и состоящий из одних интеллектуальных вещей, лежал вне ее понимания. Разве нет во всем обратной стороны? Глубокое впечатление, которое производил на нее Ногута, похоже, возникло оттого, что лишь у него не было никакой обратной стороны – всегда одно, обращенное к тебе лицо. Конечно, Кадзу принципиально не верила в существование таких людей. Не верила, но почти идеальная личность, которую она старательно искала, постепенно приобрела черты Ногуты. Само его чопорное обращение казалось ей чрезвычайно таинственным и привлекательным.

Общаясь с Ногуты, она открыла для себя, что общество почти забыло о его существовании, и удивлялась, что его это нисколько не трогает. Ее не интересовали захватившие сейчас Ногуты политические идеи, связанные с реформами. Она полагала, что между новизной этих идей и общественным забвением существует некое искажение, которое рано или поздно непременно исчезнет. Почему уживаются мертвое существование и фонтанирующие идеи? Даже после того, как Ногута не переизбрала в палату представителей парламента, его имя сохранилось в списке консультантов Партии новаторов. Однако, приглашая его на заседания, организаторы ни разу не прислали машину. Ему приходилось, цепляясь за всяческие поручни, ехать электричкой, – узнав об этом, Кадзу справедливо негодовала.

Каждый раз, посещая дом Ногуты, она, как прежде, когда ее беспокоила грязь на его рубашке и заношенные обшлага пальто, с неудовольствием взирала на покосившиеся створки ворот, облупившуюся, в пятнах пыли краску на деревянном доме, лишайник во дворе, сломанный звонок при входе. Пока еще Кадзу не имела возможности привести все в порядок по своему усмотрению, а по виду Ногуты было понятно, что вряд ли он воспользуется ее любезностью сверх меры. Он это не выпячивал, что для нее служило стимулом для большего сближения.

В Новый год они по предложению Кадзу пошли на представление в театр кабуки, и на печальных поворотах сюжета она неизменно заливалась слезами. Ногута весь спектакль держался равнодушно.

В коридоре во время антракта он поинтересовался:

– Почему вы плачете, ведь это всего лишь нелепый спектакль?

– Безо всякой причины, слезы льются естественно, сами по себе.

– Меня эта «естественность» очень занимает. Объясните, пожалуйста, как следует.

Ногута строгим тоном поддразнивал Кадзу, словно издевался над девчонкой. Волк не собирался рядиться в овечью шкуру, но Кадзу вдруг поняла, что Ногута всерьез с ней заигрывает, и по-настоящему испугалась.

В театре Ногута где-то уронил зажигалку «Данхилл». Его растерянность от этой потери удивляла: куда исчезли величавость и холодность? Он обнаружил пропажу во время второй

интермедии *кэгэн*²⁰, обшарил все карманы. На его лице читалось: «Нет, здесь нет», и он совсем не походил на привычного себя.

– В чем дело? – спросила Кадзу, но он не ответил.

В конце концов, согнувшись, Ногуту сунул голову под сиденье. И довольно громко произнес:

– Да. В коридоре. Точно в коридоре.

Зрители оборачивались, недовольно хмурились, шикали. Кадзу первой поднялась с места, Ногуту последовал за ней. Выйдя в коридор, Кадзу холодно спросила:

– Да что же такое вы потеряли?

– Зажигалку «Данхилл». Сейчас в Японии такую при всем желании не купишь.

– В предыдущем антракте мы ведь разговаривали вон там?

– Да, там.

Ногуту почти задыхался, и Кадзу стало жаль его. Они отправились к предполагаемому месту пропажи, но на ярко-красном ковре ничего не лежало. К ним приблизилась женщина средних лет в форменной одежде – у нее, видимо, было свободное время, пока шло действие, – и спросила:

– Вы это ищете? – В руке она держала зажигалку Ногуту.

Ногуту, узнав свою вещь, просиял от радости, и много позже, вспоминая этот случай, Кадзу дразнила его: «Не только зажигалке, людям тоже стоит показывать такое лицо». Однако случившееся не разочаровало Кадзу. Она умела смотреть на события с разных сторон и увидела лишь наивную детскую любовь Ногуту к личным вещам.

Нечто похожее случилось и после. Тогда, во время столь печально закончившегося заседания «Кагэн», Ногуту сказал: «Давайте оставим разговоры о прошлом. Мы ведь еще молоды». В том, что касалось историй о блестящем прошлом, так оно и было, но к вещам из прошлого Ногуту был необычайно привязан. По мере их сближения Кадзу несколько раз видела, как он приглаживает седые волосы старой расческой, спросила, и оказалось, что Ногуту пользуется ею уже тридцать лет. В молодости у него была очень густая шевелюра и зубцы обыкновенных расчесок ломались, поэтому он специально заказал прочный гребень из самшита.

Нельзя сказать, что такое отношение к вещам возникло из скупости или бедности. Сопротивляясь порожденному американской экономикой потребления поверхностному шику, привычке гнаться за всем новым, Ногуту твердо придерживался английской традиции любви к старине. Дух конфуцианской бережливости прекрасно сочетался с аристократическим вкусом. Кадзу не понимала стиль отставшей от времени мужской моды, на котором настаивал Ногуту.

Даже в зимние холода Кадзу не отложила утренние прогулки по саду. Ступая по иголочкам инея, она порой задумывалась, что ей больше нравится, что больше привлекает в Ногуту: послушной список бывшего посла-аристократа или его нынешняя преданность реформам. Первое сверкало обывательски понятным блеском, второе, непонятное, давало почувствовать вектор жизни, направленный в будущее. Для Кадзу эти черты почти слились с внешностью Ногуту: все равно что спросить, что ей кажется красивее – его острый нос или оттопыренные уши.

Их любовь развивалась очень медленно; впервые они поцеловались, когда Кадзу пришла в дом Ногуту с новогодними поздравлениями. Цвет ее шелкового кимоно походил на зеленовато-голубой фарфор, и на этом фоне закручивались белые струйки, мерцали серебром ящерицы, стелились ветви сосны. На широком серебристо-сером поясе *оби* золотой и алой нитью был вышит символ праздника – большой лангуст. Норковое манто Кадзу оставила в машине.

²⁰ *Кэгэн* – средневековый фарс, юмористические сценки из жизни простолюдинов, которые в Средние века чередовались на одной сцене с пьесами классического театра но.

Дом Ногуты с закрытыми даже в Новый год воротами выглядел угнетающе. Но сломанный звонок наконец-то починили – это Кадзу знала. Она еще во время предыдущих визитов заметила, с каким пренебрежением смотрит на нее пожилая служанка, всегда заставлявшая долго ждать, пока откроет. Порой Ногуты по-немецки произносил название книги, чтобы эта женщина достала ее с полки. Та без запинки по-немецки повторяла название и, пробежав глазами по корешкам, вынимала нужную книгу. С этих пор Кадзу ее невлюбила.

Здесь, в отдалении от большой дороги, царила тишина, слышались только сухие удары деревянной ракетки по волану. Кадзу каждый раз охватывал стыд перед шофером, когда, нажав звонок у ворот, она была вынуждена долго ждать, пока ей откроют. Ярким пятном тут смотрелась только сосна из небольшого новогоднего украшения у ворот – туда косо падали прозрачные лучи зимнего солнца.

Кадзу разглядывала безлюдную улицу. Солнце обнажало там и сям причудливые рытвины на дороге с облезшим асфальтом, расчерченной тенями деревьев и фонарных столбов. На черной земле, особенно заметной из-за растаявшего инея, блестели глубокие отпечатки толстых шин.

Снова раздались звуки, сопровождавшие игру в волан. Они доносились откуда-то из ближних дворов, но игравших детей видно не было, и смеха не слышалось. Все смолкло. «А-а, волан упал», – подумала Кадзу. Через какое-то время удары ракетки возобновились. Опять стихли. С нетерпением ожидая, когда снова что-то послышится, Кадзу рисовала в воображении ярко раскрашенный волан, который упал в лужу грязи и талой воды. Вскоре за невидимым забором, будто скрываясь от людских глаз, прерванная игра возобновилась.

У калитки застучали *гэта*. Кадзу напряглась в предчувствии неизбежной встречи с неприятной служанкой. Калитка отворилась. Встречать ее вышел сам Ногуты в парадном кимоно, и Кадзу зарделась от неожиданности.

– Отправил прислугу развлечься. Сегодня я один, – объявил Ногуты.

– Поздравляю вас. А вы надели парадное кимоно, просто великолепно.

Прямо у калитки Кадзу кольнула ревность: так аккуратно сидело на Ногуты кимоно. Кто помогал ему одеваться? От этой мысли уже по дороге через коридор в гостиную у нее испортилось настроение.

Ногуты, как обычно, делал вид, что не замечает ее недовольства. Взяв в руки чайничек, он собирался налить Кадзу традиционное новогоднее сакэ. Она подумала, что ей придется в испорченном настроении взять в руки блистающую золотом и серебром лаковую чашечку, и, как обычно, вспыхнула. Ногуты среагировал спокойно:

– Какая глупость. Прислуга помогла одеться. Европейскую одежду я надеваю без чужой помощи, но с кимоно справиться сложно.

– Если вы думаете обо мне, увольте эту прислугу. Служанка должна лучше заботиться о вас. Ее следует уволить. – Выговорив это, Кадзу расплакалась. – Я дома от волнения за вас плохо сплю.

Ногуты молчал. Считал лазоревые шарики плодов травы «драконьи усы» под цветущей сливой. Послушав некоторое время всхлипы Кадзу, будто вспомнив, поднял чайничек с сакэ. Кадзу прикрыла руки мокрым от слез платком, взяла деревянную чашечку, но сразу отставила ее на циновку и продолжила плакать, уткнувшись лицом в колени Ногуты, обтянутые дорогим шелком. На этот случай она расстелила поверх его кимоно носовой платок сухой стороной вниз: не хотела испачкать ткань.

Ногуты осторожно погладил похожий на барабан бант ее пояса. Кадзу была уверена, что теперь его привлечет видная за воротом кимоно гладкая спина с благоухающей упругой белой кожей. В поглаживании руки Ногуты, в тишине, витавшей в воздухе, было что-то от музыки, которую Кадзу хорошо знала. И вот тогда они впервые поцеловались.

Глава седьмая

Церемония Омидзутори в храмовом зале Нигацудо

Поездка в Нару на церемонию Омидзутори была, с одной стороны, договоренностью с Кадзу, а с другой – приглашением друга, директора газетного издательства. Подразумевалось, конечно же, что приглашает издательство. Еще к ним должны были присоединиться почтенный старец-журналист восьмидесяти лет, предприниматель и преклонного возраста экономический обозреватель. Кадзу, услышав об этом, не могла взять в толк, почему Ногути позвал ее с собой в такую наполовину официальную поездку.

Ногути весьма шепетильно разделял официальное и личное, поэтому вряд ли он, приглашая Кадзу, просто воспользовался случаем. За свой счет они могли вдвоем поехать и в другое место, – собственно, причин затевать такую поездку на людях не было. Кадзу слышала от людей о церемонии Омидзутори, но решила, что хотя она с Ногути и группа от издательства проведут это время как бы отдельно, вечером все сойдутся в храмовом зале Нигацудо.

Кадзу огорчали большие расходы, которые легли на плечи Ногути. Было неприятно, что ее смущают важные друзья любимого мужчины. Как хозяйка ресторана, Кадзу спокойно общалась с влиятельными людьми, но ей не хотелось, будучи частным лицом, говорить с ними, словно со своими гостями.

Она пыталась расспрашивать Ногути, но тот сердился и не давал объяснений. В конце концов, изрядно поломав голову, Кадзу с конвертом, куда было вложено двадцать тысяч иен, нанесла Ногути визит. Она намеревалась вручить их как расходы на поездку.

Кадзу привыкла, что известные политики спокойно принимают деньги. Нагаяма Гэнки тоже брал у нее на карманные расходы – сто тысяч, двести тысяч, а то и миллион иен.

Однако с Ногути все обстояло иначе, и деньги стали причиной их первой размолвки. По поводу нынешней поездки он мыслил вполне определенно:

– Мне нужно оплатить только ваш билет и номер в гостинице. Меня пригласили раньше, я ни на что не тратился. Когда я сказал, что поеду с владелицей «Сэцугоан», все пришли в восторг и предложили сделать приглашение и вам. Но я настоял, что сам заплачу за вас. Ведь это разумно?

– Мне-то в наше первое путешествие хотелось поехать только вдвоем и в какое-нибудь тихое место.

– Даже так? А я хотел представить вас друзьям.

Последняя фраза Ногути положила конец пререканиям. Она произвела на Кадзу глубокое впечатление, а прямота и честность любимого доставили ей искреннюю радость.

– Хорошо, поступим, как вы говорите. Взамен, в благодарность за то, что меня приняли в ваши ряды, давайте после поездки пригласим всех в «Сэцугоан».

– Хорошая мысль, – прохладно согласился Ногути.

Двенадцатого числа группа встретилась на Токийском вокзале, чтобы сесть на отправлявшийся в девять утра поезд «Цубамэ», и Кадзу поразились, как молодо выглядит Ногути. Впрочем, это было естественно: троим из пятерых мужчин перевалило за семьдесят.

Кадзу долго обдумывала, в каком кимоно ей отправиться в поездку. Можно сказать, в этом путешествии обществу впервые официально демонстрировались ее отношения с Ногути. Она собиралась как-то выразить в одежде его имя – Ногути Юкэн. В этом столь внушительном имени для изображения подходил только первый иероглиф его фамилии: «но» со значением «поле».

Кадзу немедленно приступила к подготовке. После долгих размышлений она сочла, что более чем достаточно, если узор, связанный с именем Ногуты, будет понятен ей одной: по подолу, на шелке спокойного темно-коричневого цвета, тянутся вверх окруженные белыми облачками хвощ и одуванчики, оттененные золотом, – они передают идею «весеннего поля». На шнуре полосатого желто-зеленого пояса *оби* – пряжка с цветочным рисунком. А вот ярко-лиловую подкладку накидки *хаори*, серой со струящимися полосами расцветки, Кадзу обдумывала долго.

Восьмидесятилетнего седовласого старца можно было назвать основоположником японской журналистики, он пользовался всеобщим уважением. Доктор права, он еще и перевел немало произведений английской литературы, был по-английски ироничен, одобрял прогресс, вот разве что выступал против закона о запрете проституции. К Ногуте этот одинокий старик обращался на «ты». Ушедший на покой предприниматель прославился в поэзии хайку²¹, экономический обозреватель беспрерывно выдавал сплетни.

Все были в прекрасном настроении, обществом Кадзу не пренебрегали, но и специально не подлаживались. В общем, поездка до Нары прошла приятно. Когда экономист закончил раздавать характеристики политикам и финансистам: «дурак», «бездарность», «прохвост», «оппортунист», «умственно отсталый», «сумасшедший», «притворщик», «ветреник», «самый большой в истории скупердяй», «склеротик», «тупица», «эпилептик» и так далее, – разговор зашел о поэзии.

– О хайку я могу судить только как европеец, – заметил восьмидесятилетний старец. И, подчеркивая свою эрудицию и начитанность, продолжил: – У Тэрады Торахико²² в эссе «Беседы о поэзии хайку» есть эпизод, где молодой немецкий физик, приехав отдохнуть в Японию, заделался японцем и с гордостью заявил японскому другу: «Я написал хайку!» Оно звучало так: «В Камакуре было много журавлей». Стихотворение по форме – чередование строк с количеством слогов пять-семь-пять – и правда было хайку. У меня после теперешних рассказов нашего приятеля родился такой же по форме стих: «И в политике, и в финансах сборище одних дураков».

Все засмеялись, но прозвучи такая шутка из уст молодого человека, никто и не подумал бы смеяться. Кадзу, когда заговорили о поэзии, озаботилась, как поступить с накидкой: стоит ли снять ее в вагоне, где работало отопление. Вскоре тема разговора вновь сменилась.

Беседа спутников была слишком сложной, требовала хорошей памяти на детали. Слушая такое, сразу вспоминаешь разговоры молодых людей, которые мнят себя знатоками женщин. Ненужные детали, ненужное стремление к подробностям – лишь бы придать сказанному больше правдоподобия. Например, если речь идет о событиях в двенадцатый год Сёва²³, молодой человек ограничится фразой:

– Где-то в десятом или двенадцатом году Сёва.

Здесь же высказывались пространно:

– Так. Это было седьмого июня в двенадцатый год Сёва. Точно, седьмого числа. Кажется, была суббота. Вскоре после того, как я ушел со службы.

Чем оживленнее становилась беседа, тем больше усилий требовалось, чтобы ее поддерживать. Во всяком случае, со стороны это выглядело бодро. Однако Ногуты выделялся и здесь. Кадзу не понимала, отчего он любит такое общение, но он один с достоинством сохранял свою «молодость». Неизменно кивком показывал, что слушает, если разговор становился скучным, и, прилежно посчитав дольки очищенного грейпфрута, ровно половину молча предлагал Кадзу. Дольки были разного размера – одно и то же их количество могло составлять меньше поло-

²¹ Хайку – стихотворная форма жанра классической японской поэзии, трехстишие из строк 5-7-5 слогов.

²² Тэрада Торахико (1878–1935) – японский физик, занимался в том числе исследованием землетрясений.

²³ Сёва – по японскому летосчислению, основанному на годах правления, период 1925–1989.

вины. Кадзу с затаенным удивлением внимательно разглядывала тонкие, цвета вечерней луны кусочки морщинистой кожуры, прилипшей к мякоти.

В половине седьмого вечера прибыли в Осаку. Компания сразу погрузилась во встречавшую их машину и поехала в гостиницу в Наре. Там, не передохнув, все собрались и отправились в ресторан. В Наре стояло непривычное тепло. В прежние времена церемония Омидзутори всегда сопровождалась жутким холодом, поэтому Кадзу со стариками радовались теплоту вечера.

Церемония Сюниэ в храме Тодайдзи, которую называют практикой Омидзутори, каждый год начинается первого марта. Но вершины это действие достигает вечером двенадцатого числа, когда монахи с огромным, искристым снопом факелов обходят места церемонии, после чего ранним утром тринадцатого числа следует церемония Омидзутори и Даттан. Тогда служители – одни с огромными факелами, другие с полными воды сосудами – следуют тем же путем. Большинство зрителей собирается двенадцатого вечером.

После ужина компания поспешила в зал Нигацудо, перед которым собралась целая толпа. Они казались скорее зеваками, глазающими на происшествие, нежели людьми, которые пришли посмотреть на религиозную церемонию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.